

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1909**

Выпуски 5-8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1909: Выпуски 5-8 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 628 с.

ISBN 978-5-458-46817-6

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1909. Выпуски 5-8 «Русский архивъ» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев — историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-46817-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

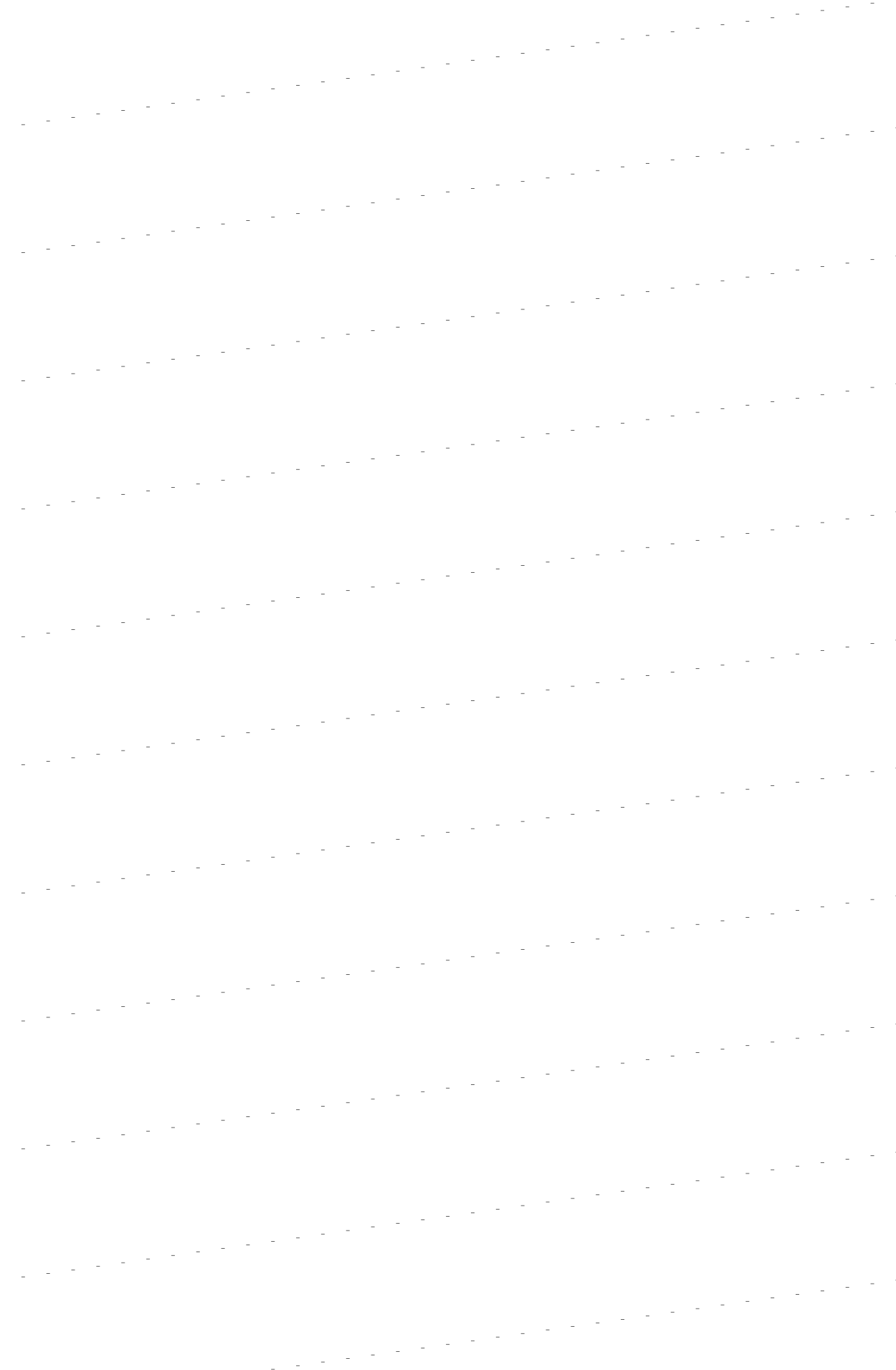
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Воспоминанія стариннаго офицера лейбъ-гвардіи Волынскаго полка В. П. Юрлова.

Я родился въ г. Симбирскѣ, въ 1830 году 19 Января. Отецъ мой, старый ветеранъ, начавшій службу въ рядахъ Рыльского пѣхотнаго полка, участвовалъ въ главныхъ сраженіяхъ 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ и имѣлъ за Бородино золотую шпагу и Владимира съ бантомъ за отличіе на штурмѣ Монмартра при взятіи Парижа. За тѣмъ онъ прослужилъ 22 года, по выборамъ Симбирскаго дворянства, совѣстнымъ судьей, уѣзднымъ предводителемъ дворянства и наконецъ (восемь послѣднихъ лѣтъ) Симбирскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и былъ награжденъ многими орденами.

Дѣдъ мой, Иванъ Петровичъ Юрловъ, служилъ при Екатеринѣ II-й въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку; прадѣдъ, Петръ Семеновичъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ, пра-прадѣдъ Семень Акимовичъ былъ при Петрѣ Великомъ полковникомъ Азовскаго пѣхотнаго полка, а при Екатеринѣ I-й бригадиромъ и вице-президентомъ Московскаго Надворнаго Суда. Дальнѣйшіе предки имѣли жалованныя имѣнія въ Нижегородской губерніи (при царѣ Василии за Московское осадное сидѣнье 1612 г. и ранѣе). Предки мои были очень богаты и владѣли многими селами и деревнями въ губерніяхъ Нижегородской, Петербургской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской и Симбирской. Отецъ мой, также весьма богатый помѣщикъ, владѣвшій нѣсколькими тысячами десятинъ земли, былъ между прочимъ, любителемъ старины, рѣдкихъ вещей и картинъ, стоимостью въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Все это пошло въ родъ сестры моей, бывшей за мужемъ за д. с. с. П. П. Мещериновымъ, дѣти котораго и понынѣ люди богатые и недавно еще получили имѣніе дяди моего, А. И. Юрлова, богатѣйшее село Чертановку и 140 тысячъ деньгами.

Мать моя, Елисавета Егоровна Юрлова, скончалась всего 22 лѣтъ отъ роду, оставивъ меня одиннадцатимѣсячнымъ ребенкомъ. Ее замѣтилъ императоръ Александръ Павловичъ въ бытность свою въ Симбирскѣ, съ нею танцовалъ на балу Симбирскаго дворянства, и во всеуслышаніе сказалъ, что такой красоты онъ не встрѣчалъ ни въ Россіи, ни за границей. Безподобный могильный памятникъ ея и сейчасъ красуется противу алтаря церкви Симбирскаго Покровскаго монастыря. (Въ этомъ же родовомъ склепѣ схороненъ и отецъ мой, скончавшійся въ 1869 г. 78-ти лѣтъ).

Въ 1837 году я былъ привезенъ въ Петербургъ, наканунѣ пожара Зимняго дворца, и эта страшная картина навсегда запечатлѣлась въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что пожаръ былъ передо мною какъ на ладони; ибо мы жили тогда у родственника нашего¹⁾, въ его квартирѣ, въ зданіи Главнаго Штаба и окнами прямо на дворцовую площадь. Въ этомъ-же году я поступилъ въ извѣстный тогда пансіонъ А. Я. Филипова, гдѣ пробылъ до 1842 года, когда поступилъ въ приготовительный пансіонъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, которые содержались сначала горнымъ-инженеромъ Вержбицкимъ, а въ 1843 году наставникомъ—наблюдателемъ военно-учебныхъ заведеній, А. А. Комаровымъ. Самыя лучшія и свѣтлыя воспоминанія мои относятся именно ко времени пребыванія въ пансіонѣ А. А. Комарова. Это былъ благороднѣйшій человекъ. Пріятель Гоголя и Бѣлинскаго, онъ тогда познакомилъ съ нимъ и насъ дѣтей; однажды я даже поднесъ Бѣлинскому, во время обѣда, свои стишки, которые сталъ писать съ двѣнадцати-лѣтняго возраста.

Изъ пансіона Комарова я поступилъ въ 1844 г. въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, кавалерійскихъ юнкеровъ. Въ 1844 г. командовалъ Школою полковникъ Сутгофъ²⁾, эскадрономъ юнкеровъ полковникъ Фондери-Лауницъ, а ротю подпрапорщиковъ, въ которой былъ и я, полковникъ Лишинъ, тотъ самый незабвенный нашъ отецъ командиръ Андрей Ѳедоровичъ, который въ чинѣ генералъ-лейтенанта здравствуетъ и понынѣ. Инспекторомъ классовъ былъ полковникъ, впоследствии инженеръ-генералъ, А. М. Павловскій. Ротными офицерами: поручикъ Сумороцкій³⁾, штабсъ-капитанъ Гернетъ, штабсъ-капитанъ Денъ и поручикъ Людвиггаузенъ Фонъ-Вольфъ. Изъ кавалерійскихъ же офицеровъ помню только троихъ: ротмистровъ Врангеля, Крюднера и

¹⁾ Бывшаго старшаго чиновника особыхъ порученій при министрѣ иностранныхъ дѣлъ графѣ Нессельроде, А. П. Евреннова.

²⁾ Впоследствии генералъ отъ инфантеріи и членъ Военнаго Совѣта.

³⁾ Впоследствии генералъ-лейтенантъ и командиръ дивизіи.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1909

5.

Стр.

5. Воспоминанія стариннаго офицера лейбъ-гвардіи Волынскаго полка.
В. П. Юрлова.
19. Изъ Записокъ архіепископа Никанора. Апологія или отвѣтъ на обвиненія по управленію Уфимскою епархіей.
78. Изъ бумагъ **Я. М. Невѣрова.** Письма къ нему лицъ неизвѣстныхъ и **С. П. Шевырева.** (Сообщилъ **А. В. Станевичъ.**)
96. Изъ писемъ **И. В. Кирѣвскаго** къ **А. П. Кошелеву,** **М. П. Погодину,** **А. С. Хомякову** и **А. П. Елагиной** (Сообщила **М. В. Безърь.**)
115. Воспоминанія **Н. А. Малевича-Малевскаго.**
134. Передъ Крымскою войною. Дипломатическая переписка. (Сообщилъ **П. А. Россіевъ.**)
143. Письмо князя **В. Л. Васильчикова** къ **Н. Ѳ. Козляинову** (1856).
145. Письма **И. С. Ананова** къ **П. П. Бартеневу** и **В. А. Елагину,** изъ ссылки (1878)
152. Пушкинъ въ послѣдніе дни свои. Письма къ нему **В. А. Жуновскаго.**
158. Библиографическая замѣтка **Д. И. Иловайскаго.**
160. О книжкѣ **С. П. Бартенева.** Большой Кремлевскій дворецъ. **
Внутри сорочки. О царцѣ Евдокиѣ Феодоровнѣ.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1909.

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ѲЕО- ДОРОВНА.

Геній и злодѣйство

Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда:

А Бонаротти?... Иль это сказка

Тупой безсмысленной толпы?

Эти слова Пушкинскаго Сальери приходятъ на память, когда думаешь о Петрѣ Великомъ: невозможно не обращаться къ нему мыслию, занимался Русскою Исторіею за ея послѣднія два столѣтія; даже и для современности вопросъ о Петрѣ есть вопросъ личный для каждаго изъ Русскихъ мыслящихъ людей. Тутъ уже не сказка, а подлинныя бумаги: геній и злодѣйство! Въ сочиненіи Устрялова приведены поденно цифры, сколько стрѣльцовъ собственноручно истреблялось Великимъ Государемъ и Меншиковымъ, а на стѣнахъ Московскаго Кремля, когда устраивался Александровскій садъ, оставались зубцы, на которыхъ воткнуты были головы казненныхъ. Красная площадь представляла собою зрѣлище столь же ужасное, какъ при Иоаннѣ Грозномъ. Тамъ посаженъ на колѣ Глѣбовъ, другъ первой супруги Преобразователя. Любопытно, что особенную жестокость Петръ проявилъ оба раза, какъ возвращался изъ чужихъ краевъ: въ 1698 г. послѣ Голландіи и въ 1717 г. послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Парижѣ. Тоже и въ прошломъ столѣтіи ссылки (Лабзина, Пушкина и другихъ), прогоняніе солдатъ сквозъ строй и всяческая аракчеевщина начались послѣ того, какъ Русскій царь два года сряду почти непрерывно провелъ за границу.

Мы не имѣемъ до сихъ поръ полнаго и обстоятельно составленнаго жизнеописанія царицы Евдокии Ѳеодоровны, вмѣсто котораго пишутся про

нее, порусски и по французски, романы. Очень вѣроятно, что въ Государственномъ Архивѣ найдутся неоглашенные доселѣ подробности ея удивительной судьбы. Въ печати имѣемъ статьи Снѣгирева, архимандрита Леонида, Дубровскаго и Есипова (особенно цѣнную, потому что она написана по бумагамъ Кремлевскаго дворцоваго архива; г. Есиповъ выражаетъ сомнѣніе въ подлинности переписки царицы съ Глѣбовымъ, которую Петръ велѣлъ церковными буквами напечатать и распространить). В. И. Даль записалъ сложившуюся про царицу народную пѣсню, которую ему пропѣла одна старушка; записанъ также и самый напѣвъ и снабженъ объясненіемъ князя В. Ѳ. Одоевскаго („Р. Архивъ“ 1863 г.).

Царица Евдокиа Ѳеодоровна родилась 30 Іюня 1670 года въ селѣ Серебряномъ, близъ города Мещевска, Калужской губерніи. Она была дочь думнаго дворянина, который завѣдывалъ Мастерской Палатою царицы Натальи Кириловны. Она повѣнчана съ Петромъ 27 Января 1689 года, будучи на два года его старше. Петръ долго не рѣшался постригать ее, и только 23 Сентября 1698 г., черезъ девять лѣтъ совмѣстной жизни, отнялъ у нея сына, сослалъ въ Суздальскій Покровскій монастырь и приказалъ постричь *келійно* (т. е. не въ церкви). Оттуда привозили ее въ Москву, во время первыхъ Московскихъ казней при разборѣ дѣла о царевичѣ Алексѣѣ. Но видно, память о ней тревожила Петра. У ея родственниковъ сохранилось слѣдующее преданіе, записанное Ѳ. П. Лубяновскимъ со словъ Владимира Ивановича Лопухина: „На душу Петра Алексѣевича по временамъ находила такая черная туча (правду сказать, было отъ чего), что онъ запырался и

Герлаха. При Сутгофѣ, заведеніе это было въ блестящемъ видѣ, пища была отличная. Самъ Сутгофъ обходился ласково съ воспитанниками, въ числѣ которыхъ было очень много богатыхъ княжескихъ и графскихъ фамилій, но за то былъ не только строгъ, но просто жестокъ съ стариками инвалидной роты, а также съ офицерами этой команды. За простой плевокъ, замѣченный гдѣ нибудь на лѣстницѣ, дежурный инвалидъ получалъ 200 розогъ, и полиціймейстеръ школы подполковникъ Брунъ всякій разъ исполнялъ это приказаніе съ буквальною точностію. Экономъ школы, гарнизонный штабсъ-капитанъ Соколовъ изъ фельдфебелей, рѣдкій обѣдъ не получалъ отъ Сутгофа бранныхъ словъ. Но видно хорошо было мѣсто эконома въ Школѣ, когда хотя и гарнизонный, но всетаки штабсъ-капитанъ, не морщась выслушивалъ подобныя привѣтствія. И дѣйствительно, нашъ brave экономъ, започувствовалъ и хорошій домъ, и порядочный капиталецъ, часто ссужалъ юнкеровъ деньжонками, конечно за хорошіе проценты. А мы и любили и жалѣли Соколова; а сколько онъ бывало переносить насмѣшекъ отъ юнкеровъ послѣ публичнаго распеканія отъ Сутгофа. Ей Соколовъ! бывало крикнуть ему юнкера, и тебѣ не стыдно, офицеру, переносить ругательства? Ты бы его въ рожу! и тому подобное. Плюнетъ, бывало, Соколовъ, и уйдетъ въ свой буфетъ.

Точно также обращался Сутгофъ и съ гарнизонными офицерами, состоявшими при швальнѣ. Ей Михайловъ! кричитъ онъ, бывало, при осмотрѣ новыхъ шинелей; послушай, каналья, вѣдь это сукно подмѣнено, въ солдаты разжалую тебя, воръ...!! Но господа гарнизонные офицеры все это терпѣли, вѣроятно по той-же причинѣ, по которой терпѣлъ и Соколовъ. Полковникъ Лишинъ былъ строгій, но справедливый начальникъ и терпѣть не могъ главнаго нашего командира Сутгофа, произведеннаго въ 1846 г. въ генералы. Лишинъ меня любилъ и отличалъ отъ прочихъ. За примѣрно хорошее поведеніе я былъ произведенъ сначала въ ефрейторы, и наконецъ въ унтеръ-офицеры, и изъ собственныхъ рукъ Великаго Князя Михаила Павловича получилъ серебряный темлякъ. Болѣе всего Лишинъ любилъ меня за знаніе фронта, и за то, что я неоднократно подходилъ ординарцемъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу, и однажды въ лагерѣ въ Петергофѣ, въ годъ свадьбы Великой Княжны Ольги Николаевны, къ Государю Императору Николаю Павловичу. Колоссальная, прекрасная личность этого Царя-рыцаря и сейчасъ во всемъ блескѣ рисуется въ моей памяти. И нигдѣ мы не имѣли болѣе удобнаго случая видѣть весь бытъ царской семьи, какъ во время лѣтней стоянки въ лагеряхъ близъ Петергофа. По праздникамъ насъ отпускали гулять въ Петергофскіе

сады, и въ самую Александрію, гдѣ мы просто въ окно смотрѣли, какъ живетъ царское семейство. Въ особенности остались у насъ въ памяти Петергофскіе праздники по случаю свадьбы Великой Княжны Ольги Николаевны. Свадьба эта была въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ, и во все время я стоялъ въ полной формѣ съ ружьемъ, часовымъ у дверей церкви, видѣлъ весь свадебный кортежъ; и любовался на молодую красавицу, къ мужу же ея, тогда еще наслѣдному принцу Вюртембергскому, только что получившему форму Нижегородскаго драгунскаго полка, по случаю назначенія шефомъ этого полка, я подходилъ на ординарцы послѣ церковнаго парада, и въ первый разъ въ жизни увидалъ на этомъ парадѣ фельдмаршала князя Паскевича и генерала А. П. Ермолова, пріѣзжавшихъ по случаю этой свадьбы. Скажу кстати здѣсь, что я, вмѣстѣ съ двумя красивѣйшими изъ подпрапорщиковъ, а именно: графомъ Татищевымъ *) и княземъ Мещерскимъ, по повелѣнію Государя Императора Николая Павловича, изображены въ портретахъ и во весь ростъ, въ полной формѣ на извѣстной картинѣ, художника Лядюрнера: присяга Наслѣдника Цесаревича.

Наконецъ въ 1848 г. 13 Іюня произведенъ я въ офицеры лейбъ-гвардіи Волынскаго полка. Къ этому времени пріѣхалъ въ Петербургъ старикъ отецъ мой, пробылъ недѣлю послѣ присяги принесенной нами нововыпущенными офицерами въ церкви Дворянскаго полка, уѣхалъ въ Симбирскъ, оставивъ мнѣ 18 лѣтнему офицеру, кромѣ самага полнаго и блестящаго обмундированія, исполненнаго въ мастерской извѣстнаго въ то время военнаго портного Брунста, 8-мь пудовъ столоваго серебра и 12,000 руб. серебромъ денегъ: мое полное годовое содержаніе. Можно конечно представить себѣ всю радость молодого и богатаго прапорщика, и вотъ наконецъ, получивши всѣ надлежащія бумаги, я и товарищъ мой Н. И. Миллеръ, вмѣстѣ выпущенный со мною въ одинъ полкъ, отправились прямо въ лагерь въ Красное Село, чтобы явиться къ начальству и начать службу. Едва успѣли намъ отвести офицерскія палатки, а уже въ моей крѣпостной мой человекъ Иванъ Ростиславовъ, съ помощію солдатъ устраивалъ мнѣ постель, и столы съ обильнымъ количествомъ винъ и всякихъ закусокъ, на случай перваго знакомства съ офицерами; мы оба, переодѣвшись въ полную парадную форму, пошли являться къ своему полковому командиру генералъ-маіору Довбышеву. Возшедши въ его домикъ вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ штабсъ-капитаномъ Пацукевичемъ, мы увидали сердитаго старика съ сѣдыми усами въ сюртукѣ безъ эполетъ. Увидавъ насъ и бросивъ

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ, бывшій корпусный командиръ. О князѣ же Мещерскомъ не знаю, гдѣ онъ и въ какомъ чинѣ.

небрежно на столъ наши бумаги, онъ сказалъ обращаясь къ адъютанту: этого! (то есть меня) въ третью карабинерную роту, а этого! (указывая на Миллера) въ 8-ую Егерскую роту. Намъ же онъ сердито сказалъ: Я вашу Школу терпѣть не могу, и вмѣстѣ съ вашимъ бывшимъ начальникомъ. Какъ, командиръ даетъ поблажку молокососамъ и пьетъ съ ними Шампанское! У меня этого нѣтъ, и намотайте себѣ на усы: за каждую неисправность взыщу безъ потачки. У меня или служить, или вонъ. Пораженные какъ громомъ этимъ привѣтствіемъ, мы, блѣдные отъ волненія, вышли отъ генерала и пошли представляться баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ. Едва я пришелъ въ свою палатку, гдѣ все уже было прибрано, а на столѣ красовались вина и закуски, пришелъ адъютантъ и еще два офицера моей роты, поручикъ Костинъ и подпоручикъ Захарьинъ. Чай было уже готовъ, и мы начали пить его и закусывать. Не прошло получасу, какъ явился къ намъ въ палатку пожилой офицеръ въ шинели въ рукава, въ одной рубашкѣ и нижнемъ бѣльѣ. Обращаясь къ батареѣ бутылокъ, онъ вскрикнулъ: здорово, ребята! а нашъ адъютантъ тотчасъ же отрекомендовалъ намъ эту интересную личность. Это былъ прекраснѣйшій и благороднѣйшій старый и заслуженный полковникъ Ридигеръ, но неумѣренно пившій, почему и не командовалъ баталіономъ, но былъ переведенъ къ намъ младшимъ штабъ-офицеромъ изъ капитановъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. Милѣйшій человекъ этотъ сразу подружился съ нами, и у насъ къ концу дня перебывало много офицеровъ.

Командиръ 3-го баталіона, въ который я поступилъ, былъ старикъ полковникъ Короткевичъ-Начевной, а ротный мой командиръ капитанъ К....ій. Этотъ послѣдній оказался не только жестокимъ человекомъ по отношенію къ солдатамъ, но самымъ хладнокровнымъ палачемъ: палки и розги въ ужасающемъ количествѣ были у него въ полномъ ходу за всякую бездѣлицу. Тиранить солдатъ, мнѣ кажется, было ему наслажденіемъ. Къ тому же онъ нерѣдко требовалъ, когда наказаніе назначалось передъ всею ротою, чтобы офицеры были въ строю. Нечего и говорить, что я возненавидѣлъ этого человека, нерѣдко по наговору его сиживалъ подъ арестомъ, и только уже во время Венгерскаго похода, когда пороть солдатъ розгами и палками производилось всякій день, и на каждой дневкѣ, и на дворѣ нашей квартиры, я съ большимъ трудомъ и по ходатайству баталіоннаго командира 2-го баталіона полковника Борисова, былъ переведенъ въ этотъ баталіонъ, и наконецъ разстался съ варваромъ К.....ъ.

Полковой командиръ нашъ, генераль-маіоръ Довбышевъ *) былъ старый вдовецъ, человекъ сердитый и также жестокий, но его любилъ шефъ нашего полка Великій Князь Михаилъ Павловичъ, ибо дѣйствительно, въ строевомъ отношеніи, полкъ путемъ жестокихъ наказаній солдатъ былъ доведенъ по истинѣ до полнаго совершенства. Были у насъ ротные командиры, которые давали солдатамъ по 700 розогъ и 300 палокъ.

Раскажу про послѣдній въ жизни Великаго Князя Михаила Павловича смотръ полку нашему на первой дневкѣ по случаю Венгерскаго похода, въ Маѣ мѣсяцѣ 1849 г. въ Ропшѣ. Полкъ былъ построены развернутымъ фронтомъ по тогдашнему въ три шеренги. Носились слухи, что въ этотъ день Великій Князь былъ не въ духѣ, и мы съ трепетомъ ожидали появленія нашего шефа. И вотъ пріѣхалъ онъ вмѣстѣ съ генераль-адъютантомъ Сумароковымъ, который только что назначенъ былъ корпуснымъ командиромъ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса. Не сядя на лошадь, онъ пѣшкомъ пошелъ къ полку, и лишь только солдаты взяли на караулъ и музыка заиграла походъ, онъ махнулъ рукой знакъ музыкантамъ перестать. Держа на караулъ, мы замерли и ожидали грозы. Вотъ подошелъ Великій Князь къ ротѣ Его Высочества. Обратясь къ Сумарокову, онъ сказалъ: „Ваше высокопревосходительство, я прошу васъ посмотреть на этотъ полкъ; это бриллиантовый полкъ. Здорово, ребята, молодцы егеря!“ крикнулъ онъ. Дружный откликъ пронесся въ воздухъ и мы всѣ ожили. Тотчасъ-же подали верховыхъ лошадей, раздалась команда: къ церемоніальному маршу, по взводно на взводныя дистанціи, и мы молодецки пошли. Тутъ похваламъ не было конца. Молодцы, спасибо! Одинъ другого лучше! безпрестанно слышалось изъ устъ Августѣйшаго шефа, и это было наше послѣднее свиданіе; ибо, какъ извѣстно, Великій Князь скончался въ Варшавѣ въ 1849 году.

Полкъ нашъ доходилъ до крѣпости Брестъ-Литовска, гдѣ и содержалъ караулы и по окончаніи войны возвратился въ Ораніенбаумъ.

Здѣсь я считаю не лишнимъ рассказать и о томъ, какъ встрѣчали нашъ полкъ во время Венгерскаго похода въ городахъ. Первая встрѣча полку нашему была въ Псковѣ, гдѣ, по распоряженію тогдашняго губернатора князя Черкаскаго, солдаты были хорошо угощены на площади, а въ Собраніи гг. офицеры. Подъ Вильною, многіе офицеры наши, въ

*) Впослѣдствіи дивизионный командиръ, умеръ въ чинѣ генераль отъ инфантерій. Баталіоннымъ же адъютантомъ 3-го баталіона былъ подпоручикъ Брандтъ, впослѣдствіи генераль-лейтенантъ и начальникъ дивизіи.